IX 1975

9 7 2

ТУ 19—32—73

1

4

ДИАФИЛЬМ

АЛЕКСАНДР ИВАНОВИЧ КУПРИН

„И я понял с изумительной наглядностью, что единственная форма власти, допустимая для человека,– это власть творческого гения, добровольно принятая, сладкая, волшебная власть“.

А. И. Куприн.

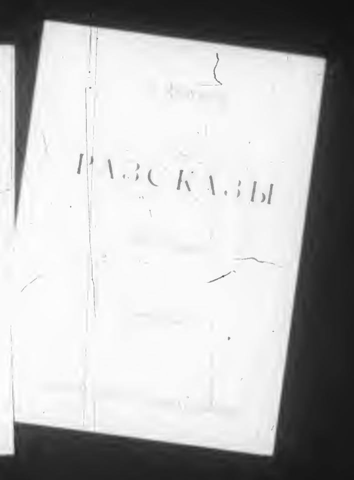

„Как все у него сжато. И прекрасно... У него настоящий, прекрасный, настоящий талант“. „В России лучше всех пишет офицер Куприн“.

Л. Н. Толстой.

„...Наряду с большой гордостью много неожиданной скромности, наряду с дерзкой запальчивостью много доброты, отходчивости, застенчивости... и того милого однообразия, с которым он все изъяснялся в своей постоянной любви к собакам, к рыбкам, к цирку, к Дурову, к Поддубному—и к Пушкину, к Толстому...“.

И. А. Бунин.

„В нем была какая-то трещина, что-то наболевшее, давнее, накопившееся в результате разных превратностей жизни, вследствие чего он не раз относился с предубеждением к людям...“.

Ф. Д. Батюшков.

„Куприн читается легко... Но для того чтобы погрузиться в тот житейский материал, какой „подымает“ Куприн, чтобы оценить всю обширность купринских познаний... надо читать его книги медленно, надо запомнить множество точных и метких черт... схваченных острым глазом писателя...“.

К. Г. Паустовский.

Александр Иванович Куприн родился в 1870 году в городе Наровчате Пензенской губернии. Отец умер, когда Куприну было три года, мать была вынуждена поселиться на казенный счет во Вдовьем доме в Москве.

В 1876 году мальчика отдают в Разумовский сиротский пансион. В 1880 году Куприн поступает в кадетский корпус, затем в юнкерское училище. Впоследствии он скажет о себе самое горькое, что может сказать человек: „У меня никогда не было детства“.

1894 год. Куприн оставляет армию. — „Когда я вышел из полка, самое тяжелое было то, что у меня не было никаких знаний, ни научных, ни житейских. С ненасытимой и до сей поры жадностью я накинулся на жизнь и книги...“.

С 1895 до 1900 года Куприн скитается по Руси. Легко сходясь с людьми, меняет профессии, пристанища.— *„И никогда меня не гнала нужда, нет, только безмерная жадность к жизни и нестерпимое любопытство...“.*

„...Я хотел бы на несколько дней сделаться лошадью, растением или рыбой или побыть женщиной и испытать роды. Я бы хотел пожить внутренней жизнью... каждого человека...“.

В эти же годы Куприн-журналист сотрудничает в киевских газетах и журналах, в печати появляются его первые рассказы. — „Я писателем стал случайно, долго кормился чем попало, потом стал кормиться рассказишками...“. — „Эти „рассказишки“ он сбывал за сущие гроши... а писал на бегу, на лету, посвистывая“, — рассказывал Бунин.

С самого начала определилась направленность его таланта: он не знал путей борьбы с социальным злом. Но он умел показать его—сильно, с пронзительной жалостью к человеку и состраданием к его судьбе.

Дешевая библиотека товарищества „Знание“.

№ 81.

А. Купринъ.

ДОЗНАНІЕ.

Цѣна 3 коп.

Изданіе Товарищества „ЗНАНІЕ“. Контора т-ва Спб., Невскій, 92

Герой рассказа „Дознание“ — подпоручик Козловский — добрый, мягкий человек. Он допрашивает солдата татарина, обвиняемого в краже сапог. И тот признается. Потом подпоручик присутствует на экзекуции. Он подавлен и потрясен.

СОДЕРЖАНИЕ

Это, собственно, и есть главная тема ранних рассказов писателя: осознание человеком самого себя. Куприн как бы говорит: порой, не умея встать на защиту, подчиняясь привычному ходу вещей, мы становимся соучастниками в свершении несправедливости, даже если она и противна нашему естеству.

В 1903 году в издательстве „Знание“, руководимом Горьким, выходит первый сборник рассказов Куприна.

„Я уже не думал о недостатках, я только восхищался разнообразными достоинствами рассказов, тем, что преобладает в них: свободой, силой, яркостью повествований, его метким и без излишества щедрым языком...“.

И. А. Бунин.

Горький видел в Куприне писателя крупного таланта, писателя-борца. Он относился к Александру Ивановичу с большим участием, был ему советчиком и другом.

В начале 900-х годов Куприн пишет лучшее свое произведение. — *„Я назову этот роман „Поединок"... Это будет поединок мой с царской армией. Она калечит душу, подавляет все лучшие порывы человека, его ум, волю, унижает человеческое достоинство. Простить этого нельзя!"*

По-разному входит жизнь в художественные произведения, по-разному преломляется. Российская действительность накануне первой революции давала много поводов для размышлений и выводов.

— Да, настанет время, и оно уже у ворот. Время великих разочарований и страшной переоценки. Помните, я говорил вам как-то, что существует от века незримый и беспощадный гений человечества. Законы его точны и неумолимы. И чем мудрее становится человечество, тем более и глубже оно проникает в них. И вот я уверен, что по этим непреложным законам все в мире рано или поздно приходит в равновесие. Если рабство длилось века, то распадение его будет ужасно. Чем громаднее было насилие, тем кровавее будет расправа. И я глубоко, я твердо уверен, что настанет время, когда нас, патентованных красавцев, неотразимых соблазнителей, великолепных щеголей, станут стыдиться женщины и, наконец, перестанут слушаться солдаты. И это будет не за то, что мы били в кровь людей, лишенных возможности защищаться, и не за то, что нам, во имя чести

Куприн не становится политическим писателем, но в работе над „Поединком“ наиболее остро проявилась обличительная сила его дарования.— „Где-то, я не знаю где, живут совсем другие люди, и жизнь у них такая полная, такая настоящая. Где-то люди борются, страдают, любят широко и сильно... Как мы живем! Как мы живем!“

Уродство несправедливости, косности, тупости, высокомерия, а точнее — неестественность угнетения человека человеком Куприн описал так, что читатели не могли не задуматься о безнравственности произвола.

„Поединок" создавался писателем внутренне собранным, находившимся в том замечательном состоянии, когда художник сам понимает и чувствует гармонию в своей душе, словно бы он и жил до сих пор только для этого свершения. Такое счастливое чувство пришло тогда к Куприну едва ли не впервые и имело большое значение в последующем творчестве.

1905 год—начало первой русской революции. 15 ноября Куприн, находясь в Балаклаве, стал свидетелем дикой, зверской расправы, учиненной по приказу адмирала Чухнина над матросами восставшего крейсера „Очаков“.

„...НИКОГДА, вероятно, до самой смерти не забуду я... пылающего здания... осужденного вместе с сотнями человеческих жизней на смерть сумасбродной волей одного человека. Нет, пусть никто не подумает, что адмирал Чухнин рисуется здесь в кровавом свете этого пожара, как демонический образ. Он просто чувствовал себя безнаказанным".

„События в Севастополе".

С командиром „Очакова“ Куприн был знаком. П. П. Шмидт выражал свое восхищение „Поединком“. Куприн помог спрятать от царской полиции трех матросов с „Очакова“. За статью „События в Севастополе“ писателя привлекли к суду. Впоследствии трагедия на „Очакове“ была им описана в рассказе „Гусеница“.

1906–1911 годы – годы жесточайшей реакции в России. В это время В. В. Воровский писал в статье о Куприне: „Среди писателей, начавших работать в 90-е годы, А. И. Куприн, пожалуй, единственный не увлекшийся политическими вопросами и оставшийся чистопробным художником“.

Огромное место в творчестве Куприна занимает любовь. Он искал силу, которая помогла бы людям освободиться от житейской пошлости, от душевного рабства и пустоты. Он искал эту силу — и нашел.

Страница рукописи рассказа „Суламифь"

„Были царства и цари, и от них не осталось следа... Были длинные беспощадные войны... но время стерло даже самую память о них... Любовь же бедной девушки из виноградника и великого царя никогда не пройдет и не забудется, потому что крепка, как смерть, любовь, потому что каждая женщина, которая любит, — царица, потому что любовь — прекрасна!“

„Суламифь“.

Вы можете сейчас же выбросить эту смешную игрушку или подарить ее кому-нибудь, но я буду счастлив и тем, что к ней прикасались Ваши руки.

Умоляю Вас не гневаться на меня. Я краснею при воспоминании о моей дерзости семь лет тому назад, когда Вам, барышне, я осмеливался писать глупые и дикие письма и даже ожидать ответа на них. Теперь во мне осталось только благоговение, вечное преклонение и рабская преданность. Я умею теперь только желать ежеминутно Вам счастья и радоваться, если Вы счастливы. Я мысленно кланяюсь до земли мебели, на которой Вы сидите, паркету, по которому Вы ходите, деревьям, которые Вы мимоходом трогаете, прислуге, с которой Вы говорите. У меня нет даже зависти ни к людям, ни к вещам.

Еще раз прошу прощения, что обеспокоил Вас длинным, ненужным письмом.

Ваш до смерти и после смерти покорный слуга.

Г. С. Ж.

„Гранатовый браслет“—рассказ о любви „маленького телеграфиста“ Желткова—стоит в ряду лучших произведений мировой литературы, воспевающих любовь. Ведь не в том дело, мал или велик человек, счастливой или безнадежной была любовь, а в том, что, полюбив, человек обретает силу, и красоту, и величие, перед которыми бессильно все зло мира.

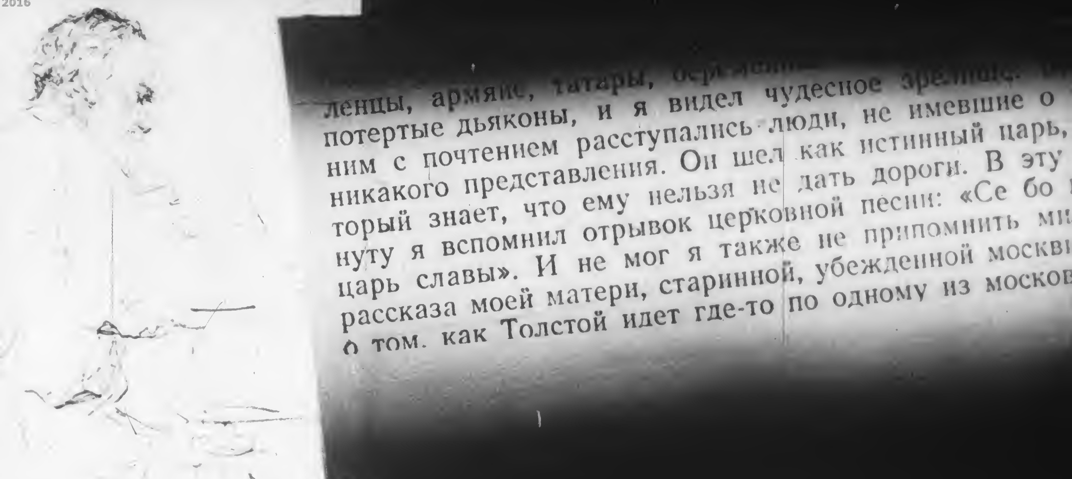

I

В середине августа, перед рождением молодого месяца, вдруг наступили отвратительные погоды, какие так свойственны северному побережью Черного моря. То по целым суткам тяжело лежал над землею и морем густой туман, и тогда огромная сирена на маяке ревела днем и ночью, точно бешеный бык. То с утра до утра шел, не переставая, мелкий, как водяная пыль, дождик, превращавший глинистые дороги и тропинки в сплошную густую грязь, в которой увязали надолго возы и экипажи. То задувал с северо-запада, со стороны степи свирепый ураган; от него верхушки деревьев раскачивались, пригибаясь и выпрямляясь, точно волны в бурю, гремели по ночам железные кровли дач, и казалось, будто кто-то бегает по ним в подкованных сапогах; вздрагивали оконные рамы, хлопали двери, и дико завывало в печных трубах. Несколько рыбачьих баркасов заблудилось в море, а два и совсем не вернулись: только спустя неделю повыбрасывало трупы рыбаков в разных местах берега.

Обитатели пригородного морского курорта — большей частью греки и евреи, жизнелюбивые и мнительные, как все южане, — поспешно перебирались в город. По размякшему шоссе без конца тянулись ломовые дроги, перегруженные всяческими домашними вещами: тюфяками,

„Ни жалобы, ни упрека, ни боли самолюбия я не знал.
Я перед тобою—одна молитва: „Да святится имя твое".
„Гранатовый браслет".

ленцы, армяне, татары,
потертые дьяконы, и я видел чудесное зрелище:
ним с почтением расступались люди, не имевшие о
никакого представления. Он шел как истинный царь,
торый знает, что ему нельзя не дать дороги. В эту
нуту я вспомнил отрывок церковной песни: «Се бо
царь славы». И не мог я также не припомнить ми
рассказа моей матери, старинной, убежденной москви
о том, как Толстой идет где-то по одному из москов

Литературными кумирами Куприна на протяжении всей его жизни оставались Пушкин и Толстой. С большим увлечением он работал над статьей о творчестве Пушкина, над материалами пушкинской биографии. Гений Толстого стал темой одного из лучших рассказов Куприна — „Анафема“.

Отец Олимпий, которому было положено прочесть с амвона анафему „еретику и безбожнику... Толстому“, потрясенный только что прочитанной повестью „Казаки“, во весь голос провозглашает перед притихшими прихожанами торжественную здравицу.

…иноков первых веков христианства.

Лицо его стало синим, почти черным, пальцы судорожно схватились за перила кафедры. На один момент ему казалось, что он упадет в обморок. Но он справился. И, напрягая всю мощь своего громадного голоса, он начал торжественно:

— Земной нашей радости, украшению и цвету жизни, воистину Христа соратнику и слуге, болярину Льву...

Он замолчал на секунду. А в переполненной народом церкви в это время не раздавалось ни кашля, ни шепота, ни шарканья ног. Был тот ужасный момент тишины, когда многосотенная толпа молчит, подчиняясь одной воле, охваченная одним чувством. И вот глаза протодьякона наполнились слезами и сразу покраснели, и лицо его на момент сделалось столь прекрасным, как прекрасным может быть человеческое лицо в экстазе вдохновения. Он еще раз откашлянулся, попробовал мысленно переход в два полутона и вдруг, наполнив своим сверхъестественным голосом громадный собор, заревел:

— ...Многая ле-е-е-та-а-а-а.

Популярность самого Александра Ивановича росла и укреплялась чрезвычайно. Но это не прибавляло ему „важности“ и не давало успокоения. Бунин писал потом: „...Куприн, даже в те годы, когда мало уступал в российской славе Горькому, Андрееву, нес ее так, как будто ничего нового не случилось в его жизни... Слава и деньги дали ему, казалось, одно — уже полную свободу... жечь с двух концов свою свечу...“.

В поисках жизненных впечатлений, как и в молодости, писатель был ненасытен и неутомим:

он был судьей на спортивных состязаниях, поднимался на воздушном шаре с Сергеем Уточкиным, опускался с водолазами на дно, испытывал аэроплан с Иваном Заикиным, едва не расставшись с жизнью.

Ф. Д. Батюшков, историк западной литературы, профессор, потомок известного поэта, был самым большим и близким другом Куприна.
Часто Александр Иванович надолго уезжал в Даниловское, глухое имение Батюшкова, работал там, „сливался с природой“, которую любил благоговейно.

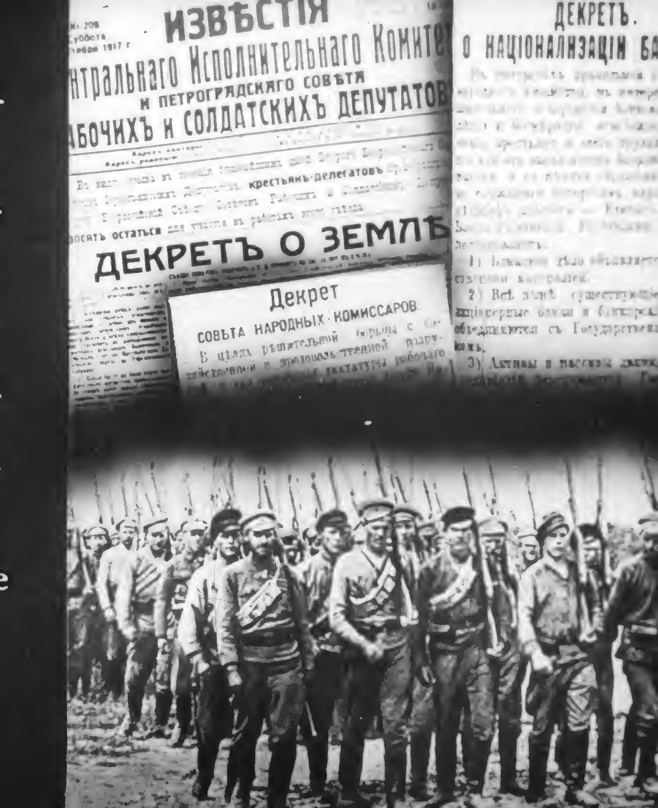
С 1911 года Куприн с семьей живет в Гатчине. Сюда приезжают к нему Шаляпин, Батюшков, Саша Черный, Леонид Андреев. Дом его широко открыт.

Куприн любил Гатчину, особенно сад, за которым ухаживал тщательно и любовно. Впоследствии, в эмиграции, тоскуя о родине, он пытался повторить тот сад на крошечном клочке земли, но из этого ничего не вышло.

Великая Октябрьская социалистическая революция явилась трудным испытанием для писателей России. Отношение Куприна к Советской власти было двойственным: в своих статьях и выступлениях писатель высоко оценивал деятельность Ленина и партии большевиков, однако считал, что в революции возобладают стихийные силы, что наступила угроза культуре.

ОСЕНЬЮ 1919 года Куприн покинул Россию. Багаж был невелик: взял с собою фотографию Толстого с дарственной надписью, фотографию Чехова и томик стихов Пушкина.

Куприн поселился в Париже, где обосновалась большая часть русских эмигрантов.—„...О чем же писать? Ненастоящая жизнь здесь.

Писать о России по зрительной памяти не могу. Когда-то я жил там; о чем писал? О балаклавских рабочих писал и жил их жизнью, с ними сроднился. Меня жизнь тянула к себе, интересовала, жил я теми, о ком писал. А теперь что?“

„Я бы отдал сейчас все оставшиеся мне жить часы, дни, годы и всю мою посмертную память... за наслаждение хоть несколько минут послушать... разговор великой язычницы Марьи... жены лесника Егора...“.

„И как хочется настоящего снега, русского снега...“.

Куприн—писатель, и жизнь для него по-прежнему неотделима от творчества. Но никогда еще не был для него так горек литературный хлеб. Одно настроение владеет им—тоска по родине.

СОДЕРЖАНИЕ

ПРОИЗВЕДЕНИЯ
1930—1934

31 мая 1937 года Куприн возвращается в Москву. Его встречают с большим почетом. Писатели, друзья, балаклавские рыбаки приезжают к Александру Ивановичу, присылают ему письма и телеграммы. Но болезнь уже подтачивала силы писателя. В 1938 году он умер.

„Работай!.. Болей своим писанием... Иди в похоронное бюро, поступи факельщиком, переживи с рыбаками шторм на оторвавшейся льдине... броди, побывай рыбой, женщиной, роди, если можешь... Забудь на время себя... Все брось на любимое писательское дело... Не давай себе покоя...“.

А. И. Куприн.

КОНЕЦ

Автор *Э. Корсунская*
Консультант кандидат филологических наук
П. Ширмаков
Художник-оформитель *Т. Чернышева*
Редактор *В. Иванова*

Студия „Диафильм", 1971 г.
Москва, Центр, Старосадский пер., д. № 7
Д-107-71 Т02745
Черно-белый 0-20